

Диана Кабдылгазина – графический дизайнер, иллюстратор. Выпускница Открытой литературной школы Алматы (семинар прозы и детской литературы Елены Клепиковой и Ксении Рогожниковой). Публиковалась в сборнике «Большая перемена» (ОЛША, 2014). Финалист конкурса «Открытая Евразия: Супер Кубок» в категории «Детская проза» в 2023 г.

Диана КАБДЫЛГАЗИНА

МИНИАТЮРЫ

Хорошие люди уходят, не прощаясь

Нет, не те, что пришли к вам в гости. Уход по-английски – это еще не повод думать, что совершающий его есть истинный джентльмен или леди. Просто вспомнилась одна девушка, назовем её здесь Гульнар, которая просто исчезла, не объясняя ничего, оставив после себя только вопрос «Почему?». Этот вопрос у каждого члена нашей семьи залег диковинным камнем на душу: мы возвращаемся время от времени к нему, словно к сувениру из дальней поездки – взвешиваем в своей руке, погрузившись в какие-то свои воспоминания, связанные с той удивительной девушкой. И для каждого этот камень тяжел по-своему.

Гульнар принадлежала к числу тех людей, внешность которых примечательной не назовешь: слишком выдающиеся азиатские скулы, невыразительные черты лица, смугловатая кожа. Явными достоинствами были лишь высокий рост, хорошая осанка и женственная и в то же время какая-то спортивная фигура. В ней словно поместили сжатые, упругие пружинки, готовые в любой момент привести в действие её легкое подвижное тело. И внешняя неказистость лица моментально куда-то исчезала, стоило ей только заговорить. Во время разговора она излучала такую неподдельную доброжелательность, свет, что лицо её в этот момент казалось даже красивым. Только сочетание слегка наметившихся по обе стороны носа складочек и тонких, вразлет, бровей постоянно напоминали мне замятинскую I-330. Неясная, неуловимая икс-загадка на лице. Девушка с одним «неизвестным»...

Родная казахская речь во время её разговора текла убаюкивающим приятным потоком, хотелось подпереть рукой щеку и слушать, слушать, слушать. Но у Гульнар чётко соблюдались нормы какого-то врожденного восточного этикета: она никогда не позволяла себе задать лишний вопрос (я даже не помню, а задавала ли она их вообще?). На заданные же – отвечала ровно столько, сколько требовалось.

– Вот полюбуйте, – говаривал нам с золовкой свёкор, сетовавший порой на нашу несдержанность. – Гульнар – это результат истинного казахского воспитания.

Втайне они со свекровью видели в Гульнар идеальную сноху, так что я даже слегка ревновала её к ним.

Но она была идеальным наемным работником.

Она убирала в квартире нашего родственника, пока мы у него гостили. Приходила два раза в неделю, и свёкор не уставал удивляться: «И как она находит место каждому из предметов?» Было даже как-то странно заходить в комнаты после её работы: словно какая-то волшебная сила приводила каждый предмет в первозданный вид, как будто ты находишься внутри глянцевого журнала об интерьере. «Знаешь, я тоже хорошо убираюсь, – как-то сказала жена нашего родственника, – но так, как у Гульнар, у меня никогда не получается». – «Ничего удивительного, – пыталась я как-то взбодрить сокрушающуюся (или делающую вид) супружницу, – ведь это её первая работа».

Гульнар сначала работала уборщицей и санитаркой в одной из поликлиник города. А выучившись на медсестру, стала работать там же, в свободное время подрабатывая уборкой. А также и тем, что ставила капельницы и уколы на дому, проводя по два-три часа в дорогах на автобусе. Таким вот тяжёлым, нечеловеческим трудом она сумела купить по государственной программе скромную квартиру в общежитии, при этом помогая своим многочисленным сестрам и родителям.

Но самое завораживающее, что в ней было, это её умение мечтать. Её мечта была – стать врачом, причем хирургом. Я не видела больше людей, так маниакально о чем-то мечтавших и несмотря ни на какие преградыдвигающихся к желаемому. С того самого момента восьмилетней давности, когда появилась она, из неуверенной, угловатой, восемнадцатилетней она – сейчас двадцатишестилетняя – превратилась в твердо стоящую на ногах, чем и вызывала мою тихую зависть. Она с нуля начала осваивать английский. Она знала практически всё о лекарствах. Но она в очередной раз (четвертый или пятый) не могла поступить в медицинский – чего-то не хватило: баллов, связей, денег...

– Зачем тебе это? – вопрошает вечно беспокойная и небезразличная зловка. – Если ты поступишь, то к окончанию тебе уже тридцать три будет.

– Ничего, нормально, – спокойно возражает Гульнар и пускается в какие-то доводы и рассуждения, чем-то убеждает и замолкает. Но ненадолго. Её снова засыпают вопросами. Потому что нравилось, как она отвечает, нравился её голос, она сама.

– Ты всё-таки хочешь быть врачом? – спрашиваю я за чаем в какой-то другой день в конце какой-то другой беседы на тему будущего, предназначения и прочего. Времени много – полчаса, пока капает в соседней комнате лекарство в вену моей свекрови.

– Да.

И я вижу слезы в её глазах. Мне хочется проклясть всех, кто сидит в этот момент не на своем месте.

– Мне многие хотят помочь связями, – говорит она, – но они просто не доживают.

По злой иронии большинство её «клиентов-пациентов» – онкобольные.

– Я даже иногда боюсь позвонить тем людям, если прошло много времени, – признается она.

В этой связи даже случай как-то произошел из разряда черного юмора. Родственник позвонил Гульнар с просьбой приехать прибраться во внеурочный день.

– Ой, простите, я на капельнице... Человеку совсем плохо. Если умрет, приеду.

– Астапралла! Тогда лучше не приезжай, завтра приедешь...

Она исчезла так странно. Вышла во время уборки с мешком мусора и не вернулась. Оставив пылесос посреди комнаты, свои аккуратно сложенные вещи и бесконечные беспокойные вопросы. Ей стало плохо? Может, на нее напали? Дома что-то случилось? Поругалась с молодым человеком? Финансовый вопрос, а также грубого отношения, домогательства, воровства просто не мог возникнуть. Сотовый, тем не менее, упрямо молчал. А на звонок на рабочее место она сухо бросила: «Я объясню вам потом».

Но этого «потом» не произошло.

Иногда люди могут исчезнуть из вашей жизни без объяснений, без предъявлений, просто закрыв потихоньку дверь. Надо быть очень внимательным, чтобы вовремя раскрыть блуждающий икс. Пока не поздно.

Свеча

– Ты чё, дура, раздать нормально не можешь?! – плотный мужчина зло сверкнул покрасневшими глазами, нервно потушил сигарету и вновь сосредоточился на картах. Все сидевшие сделали вид, что всё в порядке. Вернее, это и было в порядке вещей – сорваться на дилере, швырнуть в него фишками или пепельницей, когда за какие-то часы таяли десятки, а то и сотни тысяч зеленых.

Девушка-дилер тоже сделала вид, что ничего не произошло. Только покраснела немного, и уголки её губ слегка дрогнули. Касым, наблюдавший за этой сценой, почему-то подумал, что очень хотел бы увидеть эти красивые, полные губы в улыбке.

– Новичкам везет! – подмигнул довольный администратор, подойдя к девушке к концу работы.

Уже вторую неделю «Фартовая», как он её шутя окрестил, приносила наибольшую выручку в казино. Но и выслушивать приходилось всякого. Девушка смущенно улыбнулась. И Касым стал пропадать. Пропадать в этом мире без окон, настенных часов и вкуснейшей еды почти каждый день. В мире, где тебя оставляет чувство времени и меры... И Ксения, которая умеет улыбаться как никто другой.словно два человека попеременно меняют лица. У неулыбчивой Ксении брови надменно приподняты, взгляд – холодный, сканирующий. Ну, стерва, одним словом. А улыбнется – совсем ребенок – ямочки на чистых щечках. Зубы белые, крупные и слегка кривоваты. Она это знала, потому постоянно прикрывала рот рукой, когда смеялась.

«А смеется, как мама моя», – удивился тогда Касым.

Позже, когда он привел Ксению в дом родителей, он нарочно смешил обеих женщин, чтобы насладиться смехом в унисон. Это был раскатистый и переливчатый дуэт смеха, и хорошее время. Ксения была каким-то продолжением его натуры ходячего праздника. Жена младшего брата так и говорила, когда они навещались в гости шумной парой: «О, к нам девушка-праздник пришла!» Сама же, часто не причесанная и не одетая как следует из-за вечной мороки с детьми, готовкой и уборкой, слегка завидовала, глядя на Ксению – всегда в обновках, свежую и щебечущую. И немного жалела – год проходил за годом, Касыму перевалило за сорок, а разговора о свадьбе всё не было и не было. Да и Ксения уже не стеснялась хмуриться при посторонних.

Правда, Касым оплатил её образование и бесконечные курсы английского, так что в итоге она смогла устроиться в крупный банк. В резюме о казино не упоминала, как о чем-то постыдном. Касым тоже со временем перестал туда наведываться. Кризис коснулся и его бизнеса. Денег едва хватало заплатить за съём небольшого коттеджа, собственное жилье он так и не успел купить.

– У тебя здесь есть подсвечники?! – крикнула Ксения, хлопая дверцами кухонного гарнитура.

– Нет, зачем тебе? – погрузневший Касым тяжело спустился со второго этажа.

– Ну, тогда сюда, – в ответ Ксения чиркнула спичкой и накапала свечной воск в пластмассовую крышку от пятилитровой бутылки воды. Проверив, хорошо ли закреплена свеча, она ловко принялась вытаскивать из пакетов контейнеры с мантами и салатами. – Хочу устроить романтический ужин, – сказала она важно и закрутилась в кухонном танце: «холодильник-стол-раковина».

Подниматься ему не хотелось, и он снова погрузился в Интернет с айфона, продолжая сидеть за пока еще пустым столом.

«Они похожи как закат и рассвет – то же буйство красок, но у заката впереди ночь, а у рассвета – день».

«Словно про нас», – промелькнула у него мысль. И, чтобы нарушить затянувшуюся тишину, спросил:

– Как дела на работе?

– Замечательно. Всё своё закончила, – несколько отстраненно ответила Ксения и, чуть помолчав, добавила: – И у меня новость. Я сдала экзамен.

Он малодушно надеялся, что она его провалит. Что-то ухнуло у него внутри куда-то вниз.

– Куда летишь?

– Я выбрала Канаду.

– Когда?

– Завтра. Прости, я всё не знала, как тебе сказать... – торопливо начала она оправдываться.

Касым жестом её остановил и взялся за тонкую ножку бокала, чтобы сказать тост. Но ему нестерпимо хотелось выпить этот бокал залпом, чтобы залить подступившую к горлу горечь.

Ксения уехала к себе. А ему не хватило духу задуть зажженную ею свечу. Он так и уснул сидя за столом и не заметил, как свеча, догорев до основания, подожгла пластмассовую крышку, затем скатерть...

В аэропорту стояла девушка. Она долго озиралась, стоя в компании матери и сестры. Те её обнимали, что-то говорили. Вдруг раздался звонок со своего.

– Алло! Ты где? А-а-а... Это вы? Простите, – пробормотала Ксения, услышав голос матери Касыма. – В больнице? Ожог второй степени?..

Она стояла и машинально повторяла слова, доносившиеся из трубки.

– Доча, – мать встревоженно тормошила Ксению, – что с Касымом?

– Свечку вчера не потушил. Пожар был. В больнице сейчас.

Ксения опустила трубку.

– Летишь или остаешься? – серые глаза сестры смотрели холодно и прямо.

Ксения молча повернулась и пошла. В сторону регистрации.

Сарочка

Сарочка перечитывает последнее свое сообщение, стирает и пишет новое. «Нужно быстрее отправить, пока не передумала», – мелькает в голове, и она, не читая, жмет Enter.

– Ужинать идешь? – заглядывает сноха.

– Да... Да...

Ответ не приходит ни после ужина, ни завтра. Ни послезавтра.

Раковина на кухне располагалась прямо у окна. Сара могла мыть посуду и одновременно разглядывать двор. На деревьях взгляд задерживался больше всего. В городе, где родилась Сара, они постоянно шумели, качались, как море над головой – блестящее, живое. А здесь не шевелился ни один лист.

«Всё никак не привыкну к здешнему безветрию.

Как будто в метре от окна огромное фото.

И кто-то в спешке, но незаметно

его чуть правит. Его работа:

Чуть больше жёлтого в верхушке тополя,

чуть ниже небо, чуть больше стен...

О да, ты – мастер, великий кто-то,

Слегка навязчивых перемен», – пишет Сара в Сети.

Да, многие ставят лайк. Но от него ответа всё нет.

Сарочка вяжет.

– Ой, не вяжи на ночь, – ворчит мама, – счастье свое завяжешь...

Но Саре нужно занять руки. Она вяжет огромный плед из разноцветных ниток. Плед получается очень уютным, а если укрыться им с головой, сквозь дырки проглядывают «звезды» – свет от лампы. Сарочка мечтает, что под ним будет здорово рассказывать будущим детям сказки. А пока можно проверить на племяшках:

– Эй, мартышки, идите сюда!..

...Племяшек она почти выгоняет, так она устала от шума и бардака. В такие минуты она всерьез задумывается, а так ли ей это надо – замуж? Она вспоминает, что приближается её двадцать восьмой день рождения, и проверяет почту. «Чёрт, чёрт, чёрт! Может, я что-то не так сказала в последний раз? Да нет, всё вроде то...»

«Мысли путаются околопроцессорными проводами.

Нет ответа. Без контакта/общения с Вами

Превращаюсь в ящик с железом

Бесполезным и гулко звенящим», – пишет Сарочка.

Нет, он не может не ответить.

...Он пишет, что он в больнице со сломанной ногой. Ну конечно! Теперь всё объяснимо.

Она готова взлететь. Дома, на счастье, не оказывается хлеба, и она под удобным предлогом вылетает на улицу, чтобы домашние не заметили её возбуждения. Ей кажется, что её сознание отделилось от нее и парит над головой веселым воздушным шариком, покачиваясь в такт стучу её каблуков.

Ноябрь выдался теплым. На безветрии листья тополя не слетали вниз, а высухали на ветках, поджаренные на гриле солнца. Вдруг внезапный сильный порыв ветра с гор сорвал их разом.

– Тыц! Ты-дынц-дынц-дынц! – пронеслось по асфальту. Саре на секунду показалось, что пошел дождь – не могут же листья падать с таким шумом!

Но дождя не было. А над оголившимися ветвями взмывала улыбающаяся луна.

– Я хочу Вас увидеть, – пишет Сара.

– В больничной палате, со сломанной ногой? – отвечает он.

– Но я могла бы Вам что-то принести.

– Нет, милая Сара, это слишком трогательно для первого свидания...

Сарочка закусывает губу. «Как ты не понимаешь, у меня и так такой комплекс неполноценности на твоём фоне. А здесь бы я с ним справилась».

...Он, правда, оказался не таким, каким она себе его представляла (хотя и видела фотографию). И ростом ниже, и полнее. Но Сарочка по-прежнему слегка замирала перед каждой произнесенной фразой, словно одно неверное слово могло откинуть её к монитору и бесконечному ожиданию.

... – Ты хочешь замуж? – спросил он, закуривая. Интонация была такая ровная, что было неясно, на какое слово он делает ударение – «на замуж» или «хочешь».

– А разве это плохо? – Сара приподнялась на локте.

– Ты не ответила на вопрос, – сказал он, прищурившись и слегка улыбнувшись.

– Ну да... Этого хочет любая нормальная женщина.

– А можно сказать, что ты со мной ради этого?

Сара растерялась.

Он продолжил, не дождавшись:

– И всё, что ты делаешь, о чем ты со мной говоришь, как разделяешь мои интересы... Даже как одеваешься – всё ради этого?

– Нет, не совсем. Не ради этого. То есть... Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Потому что у меня такое чувство, словно ты постоянно под меня подстраиваешься.

Сара изменилась в лице. Но он, казалось, этого не замечал.

– Даже идешь рядом и меняешь шаг и направление почти одновременно со мной. Как такие маленькие рыбки возле акулы, знаешь? Прости, мне иногда кажется, будто у тебя нет своего мнения...

Сарочка села прямо. Ей хотелось исчезнуть. Она не помнила, как одевалась, как выходила. Помнила лишь, что было тихо. Что он не попытался её остановить. Словно в каком-то кино, где один человек замирает на стоп-кадре, а другой продолжает двигаться на ускоренной перемотке.

«Мне нужно было сказать, что я его люблю! Просто сказать “люблю”. Просто “люблю”...»

Сара глядит в монитор. Курсор заговорщицки подмигивает. Сара пишет: «Привет! Меня зовут Сара».

Подарок

– Деда Мороза приглашали?

– Нет.

– Десятая же квартира?

- Да.
- Хм... Странно. Ладно, извините.

- Алло! Здравствуйте! Я насчет заказа.
- Да, слушаю. Мы вас очень ждём!
- Я пришёл. Гоголя, 5, квартира 10?
- Да.
- Так мне мужчина какой-то открыл. Сказал: не звали.
- Может, вы ошиблись?
- У вас дом из красного кирпича? Поликлиника еще внизу.
- Да, верно.
- И квартира на пятом этаже?
- Да.
- Так я тут и стою.
- Подождите. Я открою.
- Ок.
- Что? Нет тут никого!
- Извините, может, вы во двор спуститесь, встретите меня? Узнаете ведь: я в костюме.
- Да-да, давайте!

- Здравствуйте ещё раз!
- Да, ну вот видите, я правильно подошел – тот подъезд.
- Да, извините. Сын замучил – когда, когда... Пойдемте быстрее, а то я его одного оставила. Мальчика Пётр зовут, помните?
- Да, помню.
- Вот подарок его, давайте мешок. Вам сейчас оплатить?
- После вручения можно.
- Устали, поди, за сегодня?
- Да нет, всё только начинается.
- Вам платок вынести? У вас лоб совсем мокрый.
- Спасибо, есть.
- Вы простите, что я придирчивая такая. Просто хочется, чтобы ребенок подольше в чудо верил. А вы совсем молодой для бабушки.
- Да не переживайте так, я на артиста учусь. Подождите! Эта дверь?
- Да.
- Я сюда и звонил.
- Странно.
- И мужчина открыл.
- Не знаю. Нет у нас мужчин. Вы только позвоните минут через пять, будто я за вами не ходила. Я сказала, что в магазин пошла.
- Хорошо.

- Молодой человек, я же сказал, нет здесь детей...
- Послушайте, на моих глазах сюда зашла женщина. Попросила пять минут подождать и позвонить.
- Это что, шутка такая?
- Какая шутка? Мне кажется, это вы меня разыгрываете – женщина делает вид, что ждет заказ, вы делаете вид, что заказа не было...
- Не понимаю. Какого заказа? Какая женщина?

- Мальчик есть в этой квартире?
- Нет, заходите, проверьте.
- Можно я просто позвоню при вас?
- Ну, звоните!
- Вот! Слышите? С вашей квартиры звонили!
- Ну, и?
- Знаете что, я тороплюсь. Просто заберите подарок, и я пойду.
- Стойте! Где вы это взяли?
- Что?
- Подарок – набор для выжигания. Советский еще. Я в детстве, помню, очень сильно его хотел.
- Я же говорю – женщина сделала заказ. Вручила на лестнице подарок и, кстати, не заплатила...
- Как её звали?
- Э-э. Сейчас гляну. Самойлова Ирина. Сын – Пётр, семь лет.
- Молодой человек, вы точно не шутите?
- Ну почему шучу?
- Потому что я – Петр Самойлов. Мою маму звали Ира. Она умерла под Новый год, когда мне было семь.

Чудачка

«Ох, только не она» – промелькнуло в голове у Олжаса, и он поневоле замедлил шаг.

А идти-то хотелось быстро – как можно быстрее! Ноги сами несли его вниз по тротуару вместе с потоками блестящей, как ртуть, воды. Огни машин и желтых фонарей отражались в её движущейся, рябой поверхности, и казалось, что это огромная змея ползет рядом, смело заняв половину тротуара. А вокруг только чавкающая серая каша. Ботинки промокли насквозь, и Олжас словно босиком шлепал по размякшему снегу.

Но впереди та самая чудачка с курса.

«Пройти мимо, будто не заметив, не выйдет – не поленится и нагонит, как в прошлый раз. И начнется: “Ах, Олжас, я не очень поняла сегодняшнюю тему. Вы не скажете, почему вот это? А почему вон то?” Еще и под руку возьмет – скользко ей, видите ли! И послать-то неудобно. Глазищами хлопает, как студентка-первокурсница, а самой явно за сорок. Что за моду престарелые взяли – учиться. Сидели бы дома, носки вязали». Олжас досадливо сплюнул, вспомнив усмешку соседа: «Какая голубоглазая блондинка с тобой была! Не познакомишь?» Однокурсница, блин...

До дома еще полквартилы, а странная тетка уже близко. Олжас уже хорошо видел обесцвеченные концы её волос, выбившиеся из-под шапки с огромным помпоном.

«Ну, если ты под молодую косишь, так купи журнал – какие там женщины покупают? Хоть прическу нормальную сделай!» – увещевал он мысленно чудачку, вспоминая её затылок с сильно отросшими темными корнями волос. Вопросов она задавала много, потому взгляд то и дело обращался в её сторону. И ладно бы, если вопросы были по существу, так половина – точно лишняя. И Олжас физически ощущал нарастающее раздражение преподав. А у сокурсников – тайное желание её придушить.

Олжас шел медленней, чтобы сохранять дистанцию. Торопливые прохожие обходили его, взобравшись на бордюр, так как слева по-прежнему бурлил поток. Из мокрого сугроба торчала ветка, похожая на лапку паука, только с длинными пальцами. «Локоть» был направлен вверх, и казалось, что нечто страшное, паукообразное упёрлось в снег. Еще немного, и оно, поднатужившись, вылезет на поверхность...

«Если бы только внешность! Так она при общении оказалась еще придурочней, чем выглядела. Затесалась же на Новый год в нашу кафешку, за стол уселась. А давайте, говорит, я песню свою любимую спою! Все в ожидании прикола: давайте-давайте! И затянула же: “А не спеть ли мне песню а-а-а-любви!” И это тебе не конкурс по телику, где разрываешься: переключить канал, чтобы не видеть чужой позор, или расслабиться и поржать. Сидишь, терпишь. Хорошо, девчонки пожалели: поддержали хором, похлопали...»

Олжас уже был в нескольких метрах от «ненормальной». С удивлением и даже с некой завистью разглядывал он её синие резиновые сапоги, в которых женщина смело пересекала и черный поток, и серую жижу. Со спины её действительно можно принять за молодую: фигура стройная даже в этой бесформенной светлой куртке, только походка тяжеловатая. Да и знал Олжас, что обойди он её – увидит темные тени под глазами на уставшем лице. И это еще ничего. Больше всего возраст выдавал нечеткий уже овал лица.

Но сейчас Олжас мог наблюдать только желтый горох на её бордовом рюкзаке. Горошины покачивались в такт шагам, светились и будто гипнотизировали. Вдруг чудачка замедлила шаг и пошла в сторону нищего. Он каждый день стоял здесь у магазина, угрюмо оперевшись на палку.

Олжас в нерешительности потоптался. Сейчас кинет монетку и снова – «опасность столкновения». Но странная подошла к нищему не как все – на бегу, а как к старому знакомому. Встала напротив и, глядя в глаза, протянула коробку с какой-то выпечкой, которую всё это время несла в руках. Еще секунда, и Олжас увидел растянутый в беззубой улыбке рот старика, его удивленные и влажные глаза. «Вот подумала: чай, может, попьете» – долетели до Олжаса тихие слова.

Чудачка его не заметила. Еще несколько метров, и Олжас исчез в переулке. После ярко освещенного проспекта он как будто и вправду растворился в темноте, где не видел ни земли, ни собственных ног. Только лужи светились тусклыми округлыми зеркалами. И Олжасу казалось, что он летит над землей невидимой тенью, лишь замерзшие и влажные ступни напоминали ему о его реальности.

Уйти

«Уйти – легче всего», – говорит свёкор во время очередных лекций за чашкой чая. Видимо, памятуя, как однажды в приступе бессильной злобы и обиды на него Лиля хотела уйти из дома в ночь, оставив мужа и детей. Лишь бы не видеть, не слышать, не знать – НЕ ПРИНАДЛЕЖАТЬ.

Долгое время спасительным маяком был для Лили депозит в «Госстрой-банке». Ценой отказа себе во всём и работы без отдыха она надеялась, что этой весной купит себе однушку – пусть маленькую, на краю города, но свою. А муж... – захочет остаться с родителями – пусть остаётся. Гостевой брак нынче не редкость.

И тут этот обвал...

Теперь ей невыносимо хочется уйти из этой страны. Лишь бы не видеть, не слышать, не знать – НЕ ПРИНАДЛЕЖАТЬ.

Но Лиля сидит спокойно, слушает «лекции», наливает чай и кивает. И чувствует, как в окаменевшей груди медленно загорается маленький жанаозен.

НЕДО

Нереализованные амбиции, растянутые на годы, учат рассматривать чужих маленьких детей как упущенную возможность подарить новую жизнь. (с)

От тротуара к тротуару

«...Поле? Да какое тут может быть поле?» – думала Жанна. Рукам было приятно от тепла маленьких детских ладоней.

– Быстрее-быстрее-быстрее!

Какая-то легковушка, готовая повернуть, уже нетерпеливо моргала поворотником. Замигал и зеленый глаз светофора. Три пары ног вбегают на тротуар. Здесь их путь продолжится обычным образом: две девочки чуть впереди, Жанна нарочно отстает.

«Жизнь прожить – это не поле перейти, конечно! Это тупо успеть перейти дорогу на зеленый свет, – констатирует наконец Жанна. – Успеть, чтобы не сбило с ног то, чему или кому в свою очередь тоже загорелся зеленый – обстоятельство, болезнь, молодежь...»

– Ма-а-ам! А, мам! А почему на некоторых светофорах зеленый минуту горит, а на некоторых только пятнадцать секунд? – оборачивается любопытная старшая, застывая у очередного светофора. Весь их путь, казалось, испещрен перекрестками.

«Точно, дорогая! Кому-то больше лет отмерено, кому-то меньше. Но таймер обратного отчета висит не всегда... Идешь спокойно, думая, что времени еще предостаточно, а зеленый-то, оказывается, на исходе! И остаток пути несешься со всех ног, но уже под красный...»

– Ма-а-ам... – дочка заглядывает в лицо матери. Видя её отстраненный взгляд, дочка больше не пристаёт: она не дожидается ответа прямо сейчас.

«Некоторые из нас перебегают дорогу в неполюженном месте – это те, кто умеет рисковать. Они достигают цели раньше и быстрее. Или погибают под колесами. Да и в полюженном месте мешкать нельзя – зазеваешься и пропадешь под теми, кому наплевать на правила...»

Девочки вбегают по лестнице библиотеки. Жанна следом, на ходу снимая плащ – они здесь надолго.

«А что есть цель для бегущих? Для рискующих – богатство, власть или там... известность, след в истории. Для остальных – просто безбедное существование, хороший старт для своих детей. Безопасная старость. А тротуар – отправной пункт, как безопасное детство.»

Старшая дочь убежала на кружок рисования в здании библиотеки. Младшая увлеченно рассматривает картинки: «М-а-ам, почитай!» Жанна на расплющенном пуфе-мешке, ей хочется лечь и подремать. Она знает, что на её светофоре уже мигает зеленый, но ничего не может поделать.

Недо...

После Нового года все клиенты замолчали как один. Ни одного заказа. Даже неугомонные россияне.

«Всё-таки они использовали меня как дешевую рабочую силу. Вроде таджиков», – смеялась Жанна, проверяя почту после указанных на порядок выше цен. Ящик пустовал.

Муж криво усмехнулся, не вылезая из айфона:

– А я говорил тебе, низкими ценами клиентуру не заработаешь.

«Да-да-да. Еще “договаривайся на берегу”. Помню я, помню». А всё равно было паршиво. Жанна всё же надеялась, что её ценили за другое.

И вдруг она поняла, что не хочет работать. Вообще. Что лучше всё-таки стать никем, чем большим недо. Недоэкономистом (к черту пять лет и красный диплом. Без опыта какой она экономист? Да и что это такое сейчас – экономист?); недодизайнером (надоело); недохудожником (сплошная халтура). К этим многочисленным «недо» автоматически добавились – недомама, недожена, недохозяйка. Потому что все попытки распределить себя полноценно по всем этим ипостасям и одновременно работать (находясь при этом в одном пространстве) обязательно завершались жуткой диспропорцией.

Жанна читала книги о правильном распределении времени. К примеру, Асель Кожакову, портал Flylady. И внутри у нее закипала тихая ненависть то ли к авторам, то ли к самой себе. Собственная неполноценность на фоне чужих успехов становилась явственной, как темнеющая конечность, пораженная гангреной.

Увеличивающееся «недо...», казалось, стало проникать повсюду. Жанне мерещилось оно в недочитанных книгах, недосмотренных фильмах... Даже её национальность была прямым доказательством пустившего в нее корни всесильного «недо...». Недоказашка. Шалақазақ.

Еще в детстве она отчетливо помнит себя в детском саду в окружении русских ребят, где, сидя за столиком во время обеда, Жанна мучительно соображает, почему она не такая, как все. Почему у нее не та форма глаз и носа, не светлые волосы и не голубые глаза? Почему она такая уродина? Странно: впоследствии она была единственной казашкой и в классе. Став взрослее, она превратилась в Жанну, перестав быть Жәннат.

– Надо же было додуматься до такого уродского имени! Оно как мужское! – кричала она, будучи подростком, на мать.

– Красивое имя, – защищалась мама, – и оно женское... «Райский сад» означает.

– Всё равно уродское. И еще: я всем буду говорить, что я узбечка!

В то время сказать «ты не похожа на казашку» значило сделать комплимент.

Настоящее имя Жанны муж узнал только на регистрации. Но он лишь смеялся потом, вспомнив, что долгое время звал себя Сергеем, будучи Сергазы. Так долго, что однажды поверил в это.

Точка

Дело было сделано – была поставлена жирная точка: никаких рассылок, реклам, ответов на запросы. К чёрту всё.

«Я – мама, жена, хозяйка, сноха, в конце концов. Смотреть фильмы перед сном – да! Спать по ночам – да! Готовить, не отрываясь на монитор – да

спокойно. Долгие чаепития с золовкой – да за милую душу! И никаких параллельных заучиваний иностранных слов – глупости всё это. Никогда не пригодится!»

Но в глубине души Жанна надеялась, что пригодится. Что кто-то зайдет, встряхнет её за плечи и закричит ей в лицо: «Нет! Так нельзя!»

Но невидимая ручка, поставившая точку, продолжала свое вращательное движение, всё увеличивая и увеличивая амплитуду. Паста, повинувшись законам притяжения, лилась и превращала точку в огромное чернильное пятно. И из этого пятна, из самой глубины выросло какое-то страшное, глухое, смешанное чувство затаенной злобы ко всему и обиды. Что больше всего пугало Жанну – это ненависть к детям. Она боялась, что когда-нибудь погубит их, не в буквальном смысле, конечно. А что-то ломает внутри них своим тяжелым взглядом, невниманием, нервозностью...

– Возвращайся, – говорил муж, склонившись над ней, когда Жанна уже вторые сутки отказывалась выходить из комнаты, скрючившись и уткнувшись в спинку дивана, – где бы ты ни была, возвращайся.

Капельный цокот

Февраль выдался настолько теплым, что подтаявший снег падал с крыш звонкой весенней каплей. Жанна возвращалась домой после театра. Одна. Она сама так захотела. Ей казалось, что она не идет, а проносится сквозь какую-то потустороннюю реальность, где густые сумерки, влажная дымка и желтый рассеянный свет фонарей – обычное ежедневное, ежесекундное явление.

И тут она услышала странный шум капли. Такой, словно где-то вдалеке по растаявшему снегу несется маленький сказочный конь. Она почти представила его – крошечным, размером с кошку, с гривой словно из застывших в фотоснимке струй воды. Когда она поравнялась с источником шума – огромным темным пятном мокрого асфальта у какого-то здания, её вдруг пронзила мысль: кто мог еще представить коня, услышав капель? Может, рано еще ставить точку? Может, рано?

Р. С. Жанна сидела напротив дочери, наверное, впервые за долгое время, внимательно и с радостью выслушивая каждое её слово. Дочь рассказывала о событиях в школе. Это она делала каждый день. Но в этот раз её дослушали с удовольствием, если не сказать с умилением. Жанна с трудом дождалась, когда дочка закончит, чтобы рассказать, как прошел её день. Её первый настоящий рабочий день.

